

Виктор Кириченко, Татьяна Хлебцевич

БЕРЕГИНЯ

**Виктор Кириченко
Татьяна Хлебцевич
Берегиня.
Романтическая повесть**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541468

ISBN 9785449672711

Аннотация

События в повести «Берегиня» развёртываются на фоне величественных гор и суровой природы Саян, Тянь-Шаня и Гималаев, а героями являются альпинисты и гидростроители – то есть молодые романтики недавней эпохи. Лейтмотив повести – любовь, которая преодолевает все препятствия.

Содержание

Глава 1. ЮНАЯ ШАМАНКА	6
Глава 2. ЗЕРКАЛО	15
Глава 3. ПАГАНЕЛЬ	27
Глава 4. МЕДВЕДЬ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Берегиня

Романтическая повесть

Виктор Кириченко
Татьяна Хлебцевич

Благодарности:

Вера Петухова

© Виктор Кириченко, 2019

© Татьяна Хлебцевич, 2019

ISBN 978-5-4496-7271-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страшнее пытки нет, чем неизвестность.
Когда ж уверен, что в ответ любим,
ты – словно в старой сказке Аладдин,
владеющий лампадою чудесной:
и слаб, и бит... И все ж непобедим,
по строгому закону равновесья!..

Татьяна Хлебцевич, «Венок сонетов»

Глава 1. ЮНАЯ ШАМАНКА

– И откуда ты такая взялась, чудо моё?

– Какая?

– А вот такая, какая есть.

– Честно-честно? – Наташка стрельнула раскосыми глазами, сводившими Саньку с ума.

– Ну...

– Я – инопланетянка... – продышала она в доверчиво подставленное ухо. И легонько куснула его.

Они были вдвоём в маленькой избушке на Китайке. Санькины друзья, совладельцы избушки, смотрели на зачастившую к нему гостью доброжелательно и частенько под благовидными предложениями оставляли их наедине. Дело житейское... Паганелю, как звали Саньку со студенческих времён, давно пора догонять корешей: их-то детки уже в пионерах бегают. Да и девчущка пришлась парням по душе своим приветливым

нравом. Как и готовностью без лишних уговоров вести немудрёное хозяйство в холостяцком приюте на знаменитых Столбах¹...

¹ Заповедник «Столбы» расположен рядом с Красноярском, знаменит причудливыми скальными останцами – столбами. Китайка – название одного из Столбов.

Трое старых Паганелевых друзей, конечно же, давно и прочно из холостяцкого сословия выпали. Даже Юрка-Червонец, прибившийся, наконец, к хорошей женщине, которая сумела слегка поубавить рыцарский размах его души. У каждого, помимо квартиры в городе, было по даче, где они честно отмеряли штыковой лопатой положенное количество субботнего отдыха. Но должно же быть ещё что-нибудь за душой у мужчин в расцвете сил? Особенно если мужчины эти ещё не сказали своего последнего слова в очень любопытном занятии, называемом «альпинизм».

Поэтому, прикинув варианты, они сообща срубили на Столбах небольшую избушку, ставшую их тренировочной базой. И женщин сюда до поры до времени не приваживали. Разве что по большим праздникам – Ленку Безухову с её Пьером. Как говорят истинные арийцы: «Киндер, кирхен, кюхен...» Ферштейн? А кто не ферштейн, то переведём: «Дети, церковь, кухня...»

Наташка оказалась исключением. Дивчина эта, как величал её Славян, не забывший ещё своих полтавских корней, появилась в их глухом закоулке совсем случайно. Скорее всего, слегка заблудилась с подружкой. Испив вежливо предложенного чайку, подружка навсегда исчезла с горизонта, а Наташка через некоторое время появилась вновь.

И так мила и проста была эта малышка с невероятными азиатскими глазищами, что хозяева даже не уловили, когда стали замечать не её присутствие, а наоборот – отсутствие.

Каким чудом у Паганеля склеились близкие отношения с Наташкой – до сих пор оставалось для него огромным вопросом. Ушлым бабником он себя не считал, да и в ней не уловил ни капельки кокетства. И слава Богу! Санька бабского кокетства на дух не переносил.

И вообще она вся оставалась для него загадкой. Ни разу не дала себя проводить. А в избушке появлялась тоже самостоятельно, неведомым образом угадывая те моменты, когда Санька начинал всерьёз маяться без неё. «Ведьма какая-то...» – наверное в сотый раз подумал Паганель, дотянувшись до ускользавшей, хохочущей девчонки.

– Сашенька... – обмерла Наташка, враз перестав смеяться и прижимаясь к нему.

– Наташка...

– Сашенька, милый...

– Наташ!

– Что, Сашенька?

– Где ты живёшь всё-таки?

– Глупый мой... Какая тебе разница?

Он не понял:

– Как это, какая разница?! А случись что, как тебя найти?

– А зачем?

Он будто поперхнулся от её неожиданной логики – отстранился и посмотрел Наташке в глаза. Нет, вроде бы не смеётся над ним?..

– Совсем незачем?

Теперь уже она внимательно глянула на него.

– Ещё не знаю...

Паганель внезапно разозлился. Что за чертовщина! Спишь с мужиком – и «не знаю»! Он дёрнулся встать, но Наташка не отпустила. Вроде бы и не сильно цеплялась за него, а не хватило сил оторвать. Или решимости?

– Ты чего, Наташка?

– Сашенька. – она всхлипнула, – Сашенька... Не обижайся, мой хороший...

Санька молчал, но больше не пытался оттолкнуть девчонку. Ему показалось, что они подошли к узкому мостику над пропастью. И не надо резких движений. Не надо...

– Ты думаешь, я – дура?

Честно говоря, подобная мысль в Санькиной растерянной голове мелькнула. Но он промолчал, ожидая продолжения. Ждать пришлось довольно долго, пока Наташка, видимо, не решилась.

– Я, правда, не совсем обычная, Сашенька... – она помолчала, и договорила до конца:

– Понимаешь, моя бабушка – шаманка.

Ну, наконец-то! Паганелю стало легко и весело: такую бабью дурь можно и пережить.

– Это не БАБЬЯ ДУРЬ, Сашенька... – Наташка не акцентировала произнесённое, но он понял, что произошло не простое совпадение слов.

Санька опять поперхнулся.

– Она из очень древнего рода. Только шаманами становятся

не все. Моя мама не стала...

Санька не знал, что и думать. Его европейский разум не воспринимал мистической чепухи. Другое дело, что женщины действительно, по рассказам более опытных друзей, частенько чувствуют то, о чём даже не догадываются мужики. Только при чём здесь шаманская чертовщина? И потом, что у них, запрет на личную жизнь? Не слишком-то она прислушивалась к таким запретам до сих пор...

– Нет у нас никакого запрета, – Наташка опять будто бы подслушала его мысли. – Просто очень тяжело быть с человеком, когда видишь его насквозь... И тебе будет тяжело. Бабушка предупреждала...

– Но ты же сказала, что твоя мама не стала...

– Понимаешь, Сашенька, и у меня этого раньше не было. А когда ты... – она покраснела и запнулась, – когда ты был со мной, я вдруг все твои мысли прочитала.

Теперь покраснел Санька. Мысли были всякие... Какие ещё они бывают, когда девчонка тебе в первый раз отдаётся?

– Ну вот, видишь – уже проблемы, – улыбнулась она. – Не пугайся, мой хороший! Ничего обидного там не было. Только не бойся больше.

– Чего? – спросил Паганель, чувствуя себя полнейшим идиотом.

– А того самого... Думаешь, я боюсь ребёночка родить?

– Но я же действительно тебя люблю...

– И я тебя, мой хороший, – она погладила его по щеке. – Думаешь, у тебя что-нибудь получилось бы, если бы я не любила? Поцелуй меня ещё...

– Тогда чего же ты боишься?

Наташка, не ответив, потянулась к Саньке губами.

– Наташка...

– Сашенька...

Наташка не сказала своему Сашеньке, о чем предупреждала бабушка. Зачем? Ещё подумает, что совсем дурочка. Да и самой не очень-то верится... А уж если ей действительно суждено родить великого шамана, то что плохого, если отцом станет самый любимый человек? И вообще, разве может быть иначе?

Глупая девчонка! Так и не сумела втолковать ей старая Айго, что шаманы вовсе не рождаются. Их бессмертные души лишь на время вселяются в человеческую плоть! В тот самый миг, когда в теле будущей матери вспыхивает огонёк

новой жизни. Вот откуда всё её «ясновидение».

Глупая девчонка! Только кто из нас бывал умнее в пору своей первой любви?..

– Так, сэр! Вам на утряску всех дел сорок восемь часов!

– Погоди, Витась! Почему такая спешка? – обалдело уставился на товарища Паганель. Выезд команды на Тянь-Шань был запланирован только через месяц.

– Да потому, что есть шикарный вариант подзаработать! Только надо не прозевать это дело! Не всё же Божукову пенки снимать!

Санька начал соображать. Альпинисты-москвичи, возглавляемые известным высотником Божуковым, давненько подвизались на строительстве высокогорных гидроэлектростанций Киргизии. Но до поры до времени вклиниться в сферу подобного бизнеса сибирякам не удавалось. А зарабатывали божуковские спецотрядовцы очень даже прилично. По слухам...

– Ты чего рот разинул? Есть проблемы на работе? Решим! Билеты заказаны, так что гони паспорт!

– Наташка...

– А чего «Наташка»? Предупреди, объясни. Если согласится – хоть в ЗАГС тащи. Чего, спрашивается, тянул до по-

следнего? Сколько можно девчонке голову морочить?

Паганель не дослушал. Он сторяча выскочил из Витасьиной квартиры и только потом понял, что суетится зря. Действительно, за столько времени можно было что угодно успеть. А он даже адреса не разузнал. Как же быть? До субботы, когда он надеялся встретиться с Наташкой на Китайке, гораздо больше сорока восьми часов. Так что, если не удастся уломать Витасика...

Витасика уломать Паганелю не удалось. Впрочем, он и не пытался, когда увидел, как завелись остальные ребята. Хлопот было много, а времени мало. Наташка, как ни обидно, потихоньку отошла на второй план...

Очнулся он только в аэропорту, куда они в конце концов примчались, чудом успев завершить груду дел. Оставалось минут десять до посадки, регистрацию закончили – и теперь народ давился в накопителе.

– Сань, тебя зовут! – взяла его за локоть Ленка Безухова. – Кто

это, а? – она кивнула в сторону решётки, отделявшей накопитель от остального аэропортового пространства.

Санька медленно обернулся, почти наверняка уверенный, что попадает впросак. Ленка ведь запросто могла и подшутить над холостякующим товарищем.

Ленка не шутила. Прижавшись к решётке необычно бледным лицом, его ждала Наташка.

– Сашенька!

– Как ты узнала? – спросил он, напрочь забыв про выпятившихся на сентиментальную сцену пассажиров. И про Ленку, которая не удержалась и мазнула по Наташке любопытным женским взглядом.

Наташка помотала головой. Саньке показалось, что ей трудно говорить – и она собирает силы, чтобы сказать что-то ужасно важное.

– Я люблю тебя!

Наташка опять помотала головой. Она знала это без слов. Было что-то более значимое. Он понял и посмотрел ей в глаза. Неужели?

Она кивнула.

– Адрес! Скажи адрес! Я напишу!

Как некстати заревели турбины готовой к вылету «тушки»! Наташка почти кричала, а Санька так и не смог ничего расслышать, пока устремившиеся к выходу на лётное поле люди не отсекали их друг от друга. Уже с трапа он последний раз помахал рукой и разглядел ответный взмах. А сев в кресло, впервые за всю свою альпинистскую жизнь понял, что больше нигде не сможет лезть на рожон. У него появился страх. Не за себя...

Глава 2. ЗЕРКАЛО

Хуже нет, чем тащиться вторым в связке по такой стене! Ничего не зависит от тебя: ни выбор маршрута, ни темп движения, ни даже общая судьба. Всё решает тот, кто впереди, а твоя доля – торчать на станции и терпеливо ждать, чем кончится его единоборство со скальным отвесом. Выдавать ровно столько верёвки, сколько ему потребуется для свободы движения, но ни сантиметра больше. И ждать... Чего? А чего угодно! Надеяться, что вот сейчас, наконец, сверху долетит долгожданный крик: «Рыба, принимаю!». И бояться другого крика: «Держи!!!». Если только тот, кто сорвётся, успеет крикнуть...

Мало кто знает, как всё это бывает. С одной стороны, потому, что падают люди со стен всё-таки не так уж часто. А с другой стороны, потому, что выжить после срыва повезло немногим. Представить страшно, что значит рывок от тела, пролетевшего хотя бы десять метров в свободном полёте!

А что такое десять метров? Тьфу! Всего-то пять метров выше последнего крюка плюс те же пять метров ниже его, пока не натянется страховочная верёвка. Да ещё сколько-то надо успеть её протравить, обжигая ладони, чтобы смягчить рывок, который запросто может сломать товарищу грудную клетку. Это если выдержат верёвка и крюк... Но какой же

идиот будет бить крючья через пять метров? Сквозь них же потом верёвку не продёрнешь!

Вот и Андрюха явно ушёл вверх гораздо дальше, и пока не слышно, чтобы он забил хоть один промежуточный крюк. Да и хрен его так просто забьёшь в трижды долбанный мрамор! По мрамору лучше вообще переть без остановок.

Но что-то не движется наверх верёвка... На тренировках нижний давно бы уже разинул пасть и заорал что-нибудь вроде: «Мужик, ты чего там, гнездо вьёшь?». Да и от тех, кто снизу любит на всё это мероприятие, замешкавшийся лидер поймел бы полную задницу ехидных комментариев. А стал бы возникать – попросту натянули бы верхнюю страховочную верёвку и сдёрнули бедолагу со скалы. Нефиг, мол, маршрут занимать без толку!

Только здесь не тренировка. И верхней страховки нет. А у тех, кто смотрит на их упражнения снизу, очко, небось, уже вовсю заиграло. Особенно у Нинки. Что-что, а уж её настроение Рыба чувствует, что называется, спинным мозгом. Оно и понятно. Страшное дело на такое со стороны смотреть. Вот когда сам корячишься на скале, страх куда-то девается. Во всяком случае, не мешает работе. Разве что шея затекает от попыток рассмотреть, что там делает партнёр, да ладони под верхонками взмокают от постоянного напряжённого ожидания.

– Лёша, внимание!

Рыбе показалось, что голос Медведя неузнаваемо изменился. Он ещё раз бросил взгляд на крючья станции, поудобнее перехватил верёвку и затаил дыхание. Сверху раздался стук скального молотка.

Нехороший стук. Крюк у Андрюхи явно не шёл в трещину.

— ...лезем мы, значит, дюльфером на Шхельду²...

Шура-Келдыш с тоской отвернулся. Димычевы байки он знал наизусть, тем более что за десяток лет их не прибавилось. Таким, с позволения сказать, юмором только тараканов травить в общаге.

Чёрт возьми, кто бы мог подумать, что когда-нибудь общаговские времена будут с ностальгией вспоминаться! А вот ведь как... Ясное дело, конечно, что не по общежитской койке душа тоскует и даже не по молодости, которая на той койке осталась. Что-то неизмеримо большее утеряно. И никак не поймёшь, что же именно!

Толпа в разброде! И разброд этот начался с того, ради чего, собственно, создавали клуб и строили уют. Со спортивных успехов некоторых: тех, кто, вылупив глаза, во все тяжкие ударился, всё дальше и дальше отрываясь от осталь-

² Явная бессмыслица, то есть то, чего просто не может быть.

ных. Оно бы и не обидно было, если бы эти «некоторые» понимали, что за всё в жизни надо чем-то расплачиваться.

За лад в семье – надо! Что бы там Балбес и иже с ним не шипели про Анкиного хахалю, а мужик молодец! Послал лагеря и путёвки подальше – и таскает ихнюю пацанку в рюкзаке по ближним горам. И доволен, между прочим, как слон! Хоть у бабы, если уж как на духу, ни кожи, ни рожи...

За достаток в семье – надо! Шуре нынче тоже пришлось выбирать: то ли на Тянь-Шань намыливаться среди лета за первым разрядом, то ли на шабашку. Семью-то приодеть надо, да и кормить по-человечески. И то: стройка на ладан дышит, денежной работы всё меньше и меньше. Скоро, глядишь, и вовсе не останется.

А за выдающиеся спортивные достижения расплачиваться надо вдвойне и втройне. И не только самим «господам восходителям». Пока тот же Медведь свои мастерские баллы выколачивает в горах, Шура с Васькой без большого звона его бабе огород вскапывают, да домик на даче рубероидом перекрывают. Что поделать – времена дурные. Без своей картошки и других овощей чёрта с два протянешь зиму! То, что здесь можно вырастить на шести сотках, никаким длинным рублём не заменишь. Сибирь – это вам не Сочи!

А с длинным рублём тоже не очень-то получается, хоть Миша Горбачёв и заливается соловьём про кооперативы. Уже пробовали туда сунуться – и поимели первый опыт. Палка эта о двух концах, ещё неизвестно, которым по лбу получишь: то ли чиновники алчные душу вытрясут, то ли свои хай подымут. Особенно если попытаешься что-нибудь не только на «прожор» пускать, а инвестировать, как стало теперь модно выражаться.

В общем, «...позор, тоска – вот жалкий жребий мой...»

– Шура, почему он не бьёт крюк? – Нинка-Фома, она же Рыбиха, отвлекла Келдыша от арии Онегина, из которой, честно говоря, тот знал только последнюю эффектную строчку.

Он недовольно вскинул на неё глаза. На Нинке лица не было. Глянул наверх и всё понял. Так и есть! Медведь с Рыбой «загнили на зеркале»...

Этот двухсотметровый кусок мраморного отвеса, весьма отвечавший своему названию, толпа начала осваивать давненько: едва-едва чему-то научившись у своего первого инструктора. Не зря Пелехов, царствие ему небесное, втемяшивал не в меру ретивым подопечным: «Бойся быка спереди, лошадь сзади, а „значка“ со всех сторон!». Не одобрял, значит, московский инструктор чересчур самостоятельное поведение местных значкистов.

А чего же он хотел, интересно? Ведь основу толпы составили профессиональные скалолазы, проходчики горных склонов. Была такая специальность на строительстве ГЭС, над котлованом которой нависали очень опасные скальные борта. Так что парни страха высоты давно не ведали, да и с амуницией управляться научились задолго до того, как услышали про альпинизм. А уж здоровья на своём Борусе³ накачали столько, что Пелехов поначалу даже сомневался, были ли они на вершине, или «дуру гонят». Не укладывалось у него в голове, что добротную скальную «двойку» можно промолотить за три часа – и это со спуском на приют!

Мраморное «зеркало» было вполне в русле подвигов толпы и затея Медведя и Рыбы, поначалу, никакого напряжения у Келдыша не вызвала. Хотят лезть – пусть лезут! Тем более что и тот, и другой давно обогнали Шуру в спортивном плане – и его авторитет держался лишь на воспоминаниях о былых заслугах по организации клуба. Может, поэтому Андрияха даже головы кочан не повернул, когда Шура ему посоветовал прихватить ледовую «морковку», то есть классический кованный крюк. Чья бы корова мычала, мол...

Эх, золотое времечко было, когда все их амбиции дальше третьего разряда не распространялись. А лучше бы всяки-

³ Пятиглавая гора-двухтысячник, расположенная недалеко от строительной площадки Саяно-Шушенской ГЭС.

ми разрядами и вовсе голову не забивать! Так ли важно, кто по каким маршрутам сподобился пролезть? А с другой стороны, взять того же Валеру Хрищатого, что в прошлом году на стройку приезжал. Во, мужик! На Эверест без кислорода взошёл, а гонору – ни малейшего. По-человечески с народом пообщался, а на Деда Кузю вообще как на живого Христа глядел, автограф попросил. А Дед – у него! И оба счастливы... Что ни говори, а в толпе именно такого лидера не хватает. Чтобы и авторитет был – ого-го! – и интеллектом Бог не обидел. Только где же такие водятся нынче? Вот и приходится, пардон, утираться перед «великими скалолазами»...

Шура всё-таки материл себя за то, что утёрся: эти два корифея всё делали через задницу. Вместо того чтобы выпустить вперёд более «моторного» Рыбу, на самый трудный участок Медведь попёрся сам. Забыл, что ли, проблемы со стопой, которую местные и краевые травматологи так и не сумели довести до ума после его печально-знаменитого полёта? И теперь, судя по тому, имел трудности как раз из-за неё.

Шура вновь матюгнулся, на этот раз вслух. Но тётки тоже просекли ситуацию и на нарушителя приличий не возбухли. Всё внимание было устремлено на две человеческие фигурки, распластанные на скале высоко над поляной.

– Шура, почему он не бьёт крюк? – опять прошептала

бледная Нинка. – Крикни, чтобы не дурил!

– Цыц! – рявкнул Димыч. – Не блажи под руку! Ему там виднее!

Первый в связке всегда прав – это железное правило альпинизма. Избави Боже давить на психику того, кто все трудности видит прямо перед носом, а не с расстояния в двести метров! Поэтому Келдыш и не думал вмешиваться, по крайней мере, лезть с советами. Да и от крючьев там проку никакого, если только не попадётся полочка с широкой трещиной, заплывшей кальцитом. Вот туда бы в самый раз пошла «морковочка»!

Стук молотка, наконец донёсшийся сверху, не понравился Шуре точно так же, как и Рыбе. Это не крюк, если так дребезжит под молотком! Неужели Медведь собирается через него страховаться?

– Шура... – протянула Нинка, на которую жалко было смотреть.

– Спокойно, мамуля! – с деланной уверенностью буркнул Келдыш. И тут же его осенило: можно подать Медведю перильную верёвку через тот анкер, на котором обычно крепится верхняя страховка. Бежать туда по обходной тропинке – всего-то минут десять. Бухта верёвки была под рукой.

– Нинка, не блажи! – прикрикнул он уже на ходу. – Димыч, пригляди тут!

Медведь осторожно переместил тяжесть тела на левую ногу. Правая, здоровая, уже затекла до боли, так что опасался, как бы не подвела и она. Надо бы пошевелить ею хоть самую малость, чтобы разогнать кровь – да как-то не очень это получается. Место слишком поганое. Не дай бог чихнуть – точно слетишь. Так что не до гимнастики...

Махание молотком далось ему непросто. Это вообще был цирковой номер, когда он сначала нащупывал на поясе крюк подлиннее, потом выщёлкивал его из карабина, потом осторожно, зацепившись обоими локтями за неровности скалы, пытался вколотить его в широкую трещину, заполненную какой-то стекловидной пакостью. Замаха, конечно же, не было, да и делать резкие движения он опасался – настолько паршиво стоял. А толку от всей этой мороки не было почти никакого: крюк проткнул мягкую пробку в устье трещины и болтался в ней, как дерьмо в проруби. Только и всего, что под рукой появилась более-менее устойчивая точка. Тут бы «морковку»...

Андрюха скрипнул зубами от злости. Брать ледовый крюк именно для такой ситуации они с Рыбой планировали железно. Надо же было Келдышу выскочить со своими непрошеными советами. Умный шибко! Да будь у него всё в порядке

с ногой, и крюка никакого не потребовалось бы. Чего ради?

Вышел в темпе с правой ноги, не глядя хлопнул ладонью по шероховатой скале – держит! Пошёл сходу загружать левую ногу, и уже тянулся другой рукой к отличной зацепке, которую тоже надо было, не задерживаясь, оставить для освобождающейся правой ноги... И чуть не заорал. Где-то в голеностопе, не залеченном позорными коновалами, выплеснулась такая боль, что в глазах потемнело. Мало-мало не отключился, тогда бы точно, хана! Рыбе его не удержать нипочём, хоть и лучший он во всём Келдышевом шалмане. Станция-то на честном слове сделана, страховка по-сайнски: «Иди, я тебя вижу!»... Вот когда Андрюху прошиб холодный пот.

Что такое падение, он знал не понаслышке – на всю жизнь запомнив остановившееся время, удары о выступы скалы, режущую боль в руках, пытавшихся хоть за что-то зацепиться. И бесполезно струящуюся вслед страховочную верёвку... Брошенную испугавшимся сопляком верёвку Медведь не простил липовой инструкторше Галке, Гришку же простил и даже разрешил вернуться в секцию. А с этой... Правильно она сделала, что смотала манатки: им бы тут было тесно...

Медведь вновь перетёк телом с ноги на ногу. На что-то всё

равно надо решаться – долго так не провисишь! Он попробовал загрузить руки: держат... И крюк не совсем уж бесполезно забит: хоть чуть-чуть, а поможет начать движение. Но решиться грузить левую ногу он пока не мог...

Чего они затихли там, внизу? Сначала ржали над чем-то, может, и над ним, а сейчас как воды в рот набрали. Любуются, мать их за ногу... Дорого дал бы Медведь за то, чтобы ни одна душа не видела его в момент сомнения и страха. Именно страха, если не косить перед самим собой. Только некоторые от такого страха под койку лезут и глаза жмурят, а он здесь, чтобы клин клином выбить. И Рыбу вперёд не пустил, хоть и знал, что Лёшке это элементарное зеркало проскочить – как в сортир сходить.

Пройти здесь он должен сам, иначе к чему всё прочее? Зачем тогда соваться в экспедицию, куда наконец-то его пригласили красноярские пижоны? Какой смысл варить бесконечные трубы в галереях плотины, копать землю на опостылевшей даче, даже бегать на Борус с келдышевскими «непугаными идиотами», если не под силу окажется главная мечта в жизни – ступить на вершину если не Эвереста, то хотя бы пика Победы?..

– Андрей! – Медведь сначала даже не понял, откуда донёсся голос Келдыша. Потом сообразил, что Шурка забежал

наверх по тропинке:

– Прими перила! Не дури!

Андрюху затрясло. За кого его принимает этот непрощенный благодетель? Он сцепил зубы и начал, наконец, многократно обдуманное движение: рука, левая нога... Боли не оказалось! Дальше правая, опять левая... Держит! Пошёл!!!

Приняв Рыбу на верхней станции, принципиально устроенной им в полуметре от загнанного в шпур металлического анкера, Медведь даже не глянул в сторону Келдыша, смазывавшего свои бесполезные перила. Собрал в бухту связочную верёвку, покидал в рюкзачок молоток, крючья и карабины, и стараясь не прихрамывать, пошёл по тропинке вниз.

Можно, можно собираться в экспедицию! Обузой он там не будет.

Глава 3. ПАГАНЕЛЬ

– Санечка, а ты мою шапочку не подобрал? – спросила Ленка, деловито вычёсывая снег из своей роскошной золотистой гривы. – А?

Санька почему-то не сумел ничего ответить. Рот вроде бы открывался, а звук не шёл.

– Ты чего, Санечка? – Ленка удивлённо уставилась на него. – Язык проглотил?

Он наконец-то всё понял: дурной сон кончился! Всё на своём месте! Ленка нашлась! Какая она всё-таки красивая!..

Звук по-прежнему не шёл, но губам-то растянуться от уха до уха ничто не помешало. Хорошо-то как!.. Ленка живая!

На Ленку Санька мог глядеть часами. Настолько оглушительна была красота, роднившая её со знаменитой тёзкой из «Войны и мира»! Хотя как ещё подходить к таким категоричным понятиям... Червонец, весьма и весьма подкованный в столь трепетном вопросе, однажды то ли в шутку, то ли всерьёз развил целую теорию о взрывной силе женского обаяния. Одних представительниц прекрасного пола он сравнивал с фугасными снарядами, в ключья размётывающими выбранную цель, других, составляющих по его мнению подавляющее большинство, – со снарядами осколочного действия

с широчайшим радиусом поражения. Что же касается Ленкиной красоты, то она ассоциировалась у Червонца с кумулятивным снарядом, прожигающим любую броню.

Любую или не любую – это ещё как сказать... Был момент, когда Паганелю померещилось, что решающий залп готовится именно в его сторону. Нет, действительно померещилось. И осталась от тех иллюзий только одна, жутко смешная теперь фотокарточка...

А вот слоновью шкуру своего Пьера – Петрухи Безухова – Ленка прожгла разве что не навывлет. И вообще, у близких друзей было очень серьёзное подозрение, что за десять лет Безуховы так и не выбрались из затянувшегося медового месяца. Ничем иным, по мнению многих, невозможно было объяснить неукоснительное участие Ленки в самых гололомных восхождениях мужа. Как и многозначительные взгляды, которыми эти два психа обмениваются в не предназначенных для этого местах и ситуациях... Но какое дело остальному миру до дыры в Петрухиной шкуре? Тем более если от влюблённой женщины на весь этот мир веет простым и добрым человеческим теплом, начисто лишённым паскудного осколочно-фугасного эффекта?

Саньку, кстати, в своё время именно такая постановка вопроса очень быстро привела в чувство...

– Молодой человек, кольцо! Вам куда?

Кто-то тронул Саньку за плечо и осторожно пошевелил.

Он вздрогнул и открыл глаза.

– Лен?!

– Кольцо! – вежливо, но настойчиво повторила женщина-кондуктор. – Вам здесь выходить?

Паганель кивнул, поднялся, прошёл к передней двери и спустился на перрон.

– С наступающим! – крикнула ему вслед женщина.

Он обернулся и опять кивнул. С шипением закрылись двери. Ледяной ветер, вывернувшись из-за отъезжавшего автобуса, хлестанул позёмкой в лицо. Санька зажмурился.

Дурной сон вовсе не окончился...

Пылевая лавинка, совсем пустяшная, ударила в спины уже спускавшейся с вершины команде, смахнув с крутого ледового склона две связки – Ленку с Пьером и Паганеля со Славяном. Паганель мало что сумел запомнить о тех трагических секундах, настолько неожиданно и быстротечно всё произошло. Лёгкий хлопок сзади... Предостерегающий окрик Витасика... Шипение – сначала вроде бы безобидное, а потом разом перешедшее в оглушающий свист... Белое месиво, в котором его колотило и кувырало, с каждым мгновением стаскивая к скальному сбросу... Чей-то отчаянный крик: «Сашенька-а!!!»... И неожиданная опора под клювом ледоруба там, где вроде бы уже не за что было зацепить-

ся... Рывок от натянувшейся верёвки...

Не веря в спасение, он долго боялся пошевелиться, и только фыркал и отплёвывался от снежной пыли, забившей нос и горло. Потом, чуточку отлежавшись, закрепился, как мог, и пополз к оглоушённому Славяну.

Кто звал его – выяснить не удалось. Да он и не стал. И так всё было ясно. В команде на такое обращение была способна только Ленка, но от неё удалось найти лишь кокетливую самовязанную шапочку. А Пьер исчез и вовсе бесследно. Неделя поисков ничего не дала. А потом сломалась погода, и они сами еле-еле унесли ноги...

В эту зиму тропинка до избушки едва просматривалась в глубоком снегу. Ни Витасик, ни Славян, ни Червонец нынче вовсе не рвались из домашних стен. Наелись мужики свободы и романтики по самое не могу...

Паганель вполне понимал друзей. Шок, пережитый на Победе, самой роковой вершине советских альпинистов, залечить могло только время. И залечит, куда денешься: просто слишком мало его прошло...

Пробираться в одиночку по занесённой тропе было непро-

сто. И, скорее всего, бессмысленно. Веры в то, что Наташка всё-таки появится, у него почти не осталось. Только пока не хватало решимости признать это. И потом... куда денешься от надежды, даже если не осталось веры? А от любви куда денешься?

Идёшь от автобусного кольца – ждёшь свежих следов на тропе. Сидишь в пустой избушке – ждёшь шороха знакомых летучих шагов. Уходишь – ждёшь, что вот-вот из-за ближайшего поворота навстречу покажется тоненькая фигурка, припорошённая снежком. Должна же она здесь появиться, в конце концов? Не может не появиться! Или новогодние сказки сбываются только в детстве?..

Боль зародилась под утро. Сначала Паганель подумал, что просто заныли ломаные минувшим летом рёбра. Перелёг удобнее – очаг боли сместился... То ли к сердцу, то ли под мышку... Или в пищеводе застряло что-то большое, острое и неповоротливое? Изжога? Непонятно...

Санька поднялся, зажёл свечу. Черпнул из котелка на печке тёплого чая. Осторожно глотнул раз, другой. Неприятное ощущение вроде бы улеглось... Он поворошил угли в печурке и бросил на них пару колотых полешек. Прикрыл дверцу и посидел несколько минут, бездумно вслушиваясь в потрескивание занявшегося пламени. Ещё раз глотнул чаю и прилёг, отвернувшись к стене. Всё было спокойно. Почудилось!

Второй приступ опять начался с заунывного ощущения неустроенности чего-то в организме. Незнакомая ноющая боль нарастала исподволь, а её пик, резанувший тело от ступней до висков, ошеломил. Так у него ещё не болело ничто и никогда! Санька затаил дыхание, мучительно пытаюсь уловить, откуда исходят болевые залпы, пронизывающие всё его существо. Лоб был в испарине, сердце колотилось с сумасшедшей скоростью, а сознание плавало в вязком омуте гнетущего ожидания чего-то жуткого...

И опять всё отступило. Паганель, медленно приходя в себя, лежал на топчане у печки. Ему теперь страшно было просто пошелохнуться. Боль будто бы затаилась, свернулась в клубочек и ждёт чего-то... Или ушла? Наверно, ушла. Надо бы уснуть, пока не вернулась...

Не успел... Крохотный очаг боли, нудновато ворочавшийся где-то в груди, стал разрастаться, превращаясь в липкое мохнатое чудовище, впиваясь в тело цепкими беспощадными щупальцами. В сознание прорвался чей-то вопль, перебивший колокольно звенящий в висках стук сердца. Потом всё куда-то пропало...

– Ну вот, более-менее... – Виталий стряхнул градусник.

– Сколько? – спросил Червонец.

– Тридцать семь и шесть...

– Ну, даёшь! Это же...

– Смотря с чем сравнивать. У него под сорок было вчера!

– Грипп?

– Не знаю, не знаю... На грипп не очень похоже. И хрипов нет. Разве что какая-нибудь экзотика? Но вряд ли... Откуда бы ей здесь взяться? Мне сначала показалось – аппендицит. Но и там всё спокойно. Даже не знаю, что предположить. В город выберемся – надо его ко мне в клинику. Может, кардиограмма что покажет...

Виталий осторожно прикрыл Саньку спальником и потянул Юрика в дальний уголок избушки, где у стола возился с ужином Славян. Первое, что, по его мнению, надо было сейчас Паганелю, это хорошенько проспаться в тепле.

Так получилось, что Червонец, не дождавшись Саньку к новогоднему столу и не застав его дома на следующий день, переполошил друзей и чуть ли не силком оторвал их от телевизоров, где повторяли бессмертную «Иронию судьбы». Прихватив домашней снеди и бутылочку, они двинулись на Китайку, с удовольствием подкусывая сверхчувствительного приятеля. Тем более после того, как распознали на снегу Паганелевы следы сорок шестого размера. Ну захотелось человеку уединиться – так какие проблемы? Жаль, конечно, что так и не обозначилась Санькина дивчина. Но опять же,

кто его знает, что там у них не сложилось? Молчит ведь... Может, сам и дал от ворот поворот? Жаль, жаль... Девчонка-то была славная! Но, как говорится, се-ля-ви...

Паганеля они застали без сознания в почти начисто выстуженной избушке. Похоже было, что провалялся он в таком состоянии с ночи: на углях в печурке уже начал оседать иней...

– Слышь, Витась, – Червонец необычно робко тронул товарища за плечо.

– А?

– Да я это... Ты погоди смеяться... Ну, в общем, я у него поле посмотрел...

– Ну и?.. – Виталий иронически глянул на Юрика. Завиральные идеи Червонца насчёт всякого рода телепатических чудес, действительно, веселили преуспевающего кардиолога. Во всяком случае, в интерпретации вечного студента-недоучки.

– Да пробит он весь, как дуршлаг! – с внезапной горячностью выпалил Червонец. – Совсем нет поля! Летом-то от него на версту шкалило – у меня аж крышу срывало! А сейчас – голый Вася!

– Ну и что? – с прежней иронией переспросил Виталий.

– А то, что высосали его. Почти начисто. Повампирил кто-то... —

недовольно буркнул Юрик.

– И что прикажешь делать теперь?27

– А вот что. Помнишь, где можжевельник растёт? Докопайся

до него и принеси пару веточек... Хотя нет, я сам, ты же не знаешь, как...

А потом погуляйте со Славкой, чтобы мне не мешать.

– Ворожить будешь? – уже почти без иронии спросил Виталий.

– Порчу снимать. А в город выберемся – тащи его в свою клинику. С такими вещами не шутят.

Как ни странно, Паганель не разболелся. Непонятный приступ в новогоднюю ночь не дал практически никаких последствий. От пережитого осталась только ноющая боль в сердце да, стыдно сказать, спонтанная плаксивость, никак не уместные для здоровущего – по всем объективным показателям – кандидата в мастера спорта. Кардиограмма ничего тревожного тоже не показала, а успокаивающие микстуры, прописанные Виталькиной супругой-невропатологиней, если и помогали, то очень уж неявно.

Такая тягомотина продолжалась до лета. А между тем, друзья, пережив наконец прошлогоднюю драму, уже всю изнурили себя тренировками, готовясь к выезду на Па-

мир. Санькино право на место в команде пока вслух никто не оспаривал. Даже Виталий, потихоньку превращавшийся в единоличного лидера, жечь мосты не торопился. По его мнению, Паганель мог бы оказаться небесполезным даже в столь прискорбном состоянии тела и духа. Не на стене, естественно, а в базовом лагере.

Червонец только мотал головой, когда слышал от Витасика подобные рассуждения. Он тоже, в пределах своих скромных эзотерических познаний, ничего не добился с налёту. Порчи, как таковой, на Саньке не обнаружилось. А вот версия о чьём-то скрытом вампиризме казалась Юрику всё более и более правдоподобной. Но управиться с неведомым паразитом, беспардонно отсасывавшим жизненные силы Паганеля, Червонцу было просто не под силу. До поры до времени...

Как-то вечером, в самом конце весны, Юрик с ужасно таинственным видом заявился на квартиру к другу. Прикрикнув на вяло сопротивлявшегося Саньку, зажёл несколько свечей. Обошёл с одной из них все углы квартиры, что-то бормоча под нос. Поставил какие-то закорючки на листочках из обычной тетрадки, заставил Саньку расписаться и наклеил эти «заговорённые бумажки» в углах. Потом поджёг можжевелевую веточку... А закончив «камлать», безапелляционно заявил о намерении остаться ночевать. Мол, мало ли

чего...

Волновался Юрик зря: ничего особенного за ночь не произошло. Санька спал как младенец. А проснувшись поутру, впервые после сумасшедшей новогодней ночи потянулся, — и не почувствовал ставшей уже привычной тяжести в сердце. Осторожно поднялся, двинул телом туда-сюда, словно проверяя себя. Тихо...

В степи, что далеко на юге сибирского края, в это утро не проснулась маленькая девочка. Ничего удивительного не произошло. Малышка родилась с тяжёлым пороком сердца. Удивительно другое: как она вообще прожила свои пять месяцев?..

«Прости, моя ласточка, поющая так печально в высоком небе!

Я больше ничего не смогла сделать для тебя, чернокрылая певунья...

Прости, моя ласточка, чей голосок рвёт на части моё старое сердце! Оно ничем не смогло помочь твоему...

Прости, моя ласточка, стригущая острыми крыльями степную траву и белые тучи синего неба! Шаманы не бывают всемогущими...

Прости, моя ласточка, свою неразумную мать! Она только хотела спасти твоего отца...

Прости её, моя ласточка! Она не знала, чем придётся заплатить...

Не печалься, моя ласточка! Души шаманов не умирают. Ты ещё вернёшься в этот мир. Только никто не знает – когда. И я не знаю...

Не улетай, моя ласточка! Подожди старую Айго. Мне осталось совсем немного...

Пой, моя ласточка...»

Немощь к Саньке больше не возвращалась. Осталось только неясное чувство: то ли сожаления о чём-то, то ли ощущения вины. Даже непонятно, за что.

Но и это прошло в тот день, когда далеко в южной степи две маленькие птички начали кругами набирать высоту. Они поднимались всё выше, оставив под собой осиротевший летник последней шаманки древнего рода. Внизу остался и посёлок на берегу могучей реки, где в одной из квартир оцепенело сидела худенькая женщина, так недолго побывшая матерью. И серебристый самолёт, летящий в страну больших белых гор. И белые горы, чьи вечные снега почему-то так неодолимо манят к себе мятежные человеческие души...

А души умерших шаманов похожи на птиц. Так говорят. Мы не знаем, правда ли это. Не знаем, куда они улетают и не знаем, возвращаются ли оттуда в наш мир. Наверное,

этого вообще никто не знает?..

Глава 4. МЕДВЕДЬ

«Зондерам – горячий привет!

Сразу прошу простить за долгое молчание. Но вы же знаете, что такое лето в Саянах! Бегаем, как посоленные, норювим всё ухватить: черемшу, ревень, жимолость, смородинку... Вроде бы время грибное началось, а на наших «клондайках» пусто. Подосиновиков уже два года не было, а нынче боимся прокараулить – два раза в неделю проверяем «явки». И это ещё хорошо, что пока огородом не занялись. Но придётся. Маме моей огородничать на всю ораву не под силу, а к ней на прополки не наездишься. Наверное, будем поднимать целину на горе выше посёлка. Там обещают выделить новые участки под дачи.

А так жизнь протекает нормально. По крайней мере, у нас в семье. Детёныш окончил четвёртый класс почти без четвёрок. Правда, одна троечка затесалась – по физре. Вам смешно? А нам не очень, Паша даже хотел идти ругаться в школу. Абсурд получается: ребёнок соревнования по слалому выигрывает, а их дурацких нормативов выполнить не может! Мячик, видите ли, метать не умеет!

Да, кстати! Шурка-Макар вернулся на тренерскую работу, так что у детёныша одно на языке «Сан Кстиныч» да «Сан Кстиныч»! Гоняет ребятишек на полную катушку, даже на летний снег вывозил. Надюшка вернулась по уши доволь-

ная: научилась готовить гречневую кашу с тушёной и салат из черемши!

Сейчас отвезли её к бабушке, парного молочка попить. А бабушке всё радость в доме, да и помощница из Надюшки хорошая. Я же писала весной, что в гипс угораздила, полтора месяца по дому на одной ноге скакала. Так она просто молодчинка – всю домашнюю работу делала! Рубашки, конечно, я потихоньку постирывала, супы досаливала, а в остальном по-божески.

Паша опять получил повышение: в должность заместителя ГИПа⁴ вступил. Вечно он куда-нибудь вступает (шутка)! При посторонних его уже по имени-отчеству приходится звать. С деньгами стало полегче, но зато папу мы почти не видим. Плотину готовят к сдаче, так что у него хлопот полон рот. Но за грибами – это святое! А вот насчёт рыбалки он совсем без интереса. Даже жалко, иногда рыбки очень хочется!

Я работаю на прежнем месте. Куда дёргаться? Тем более что там образовался кооперативчик, и удаётся дополнительно подзаработать. Дочь-то растёт, а её одевать надо!

Про толпу даже говорить неохота... Поперегрызлись друг с другом – жуткое дело. И не поймёшь, кто прав, кто виноват! По-моему, все хороши. Это, правда, только мужиков касается. Тёткам-то делить нечего, так что встречаемся, тарактим. Всё больше про деточек.

⁴ Аббревиатура от «главный инженер проекта».

А на избе стало тоскливо. Старые кадры ходить перестали, а ошивается там бог знает какая шелупонь. Порубили много деревьев вокруг, и никому нет дела. Келдыш на Медведя кивает, Медведь – на Келдыша. Друг с другом не разговаривают. Обидно.

Узнала, наконец, про Петюнчика. Его, оказывается, забирали принудительно лечить от алкоголизма. Только, похоже, там не лечат, а калечат. Один раз мы с ним встретились, так я потом целый вечер ревела. Ведь какой парень был! А теперь смотреть страшно... С Ленкой не живёт, нигде не работает. Правда, говорят, что где-то коз держит и пасеку. Дай бог, может, и образуется всё?

А вчера на плотине встретила Медведя. Он тоже со всеми переругался и даже не здоровается, а со мной так хорошо поговорил! Рассказал, как в прошлом году на Победу ходил с красноярцами. Говорит, уже под самым вершинным гребнем руки напрочь поморозил, и его вниз направили. А связка, с которой он до этого шёл, потом погибла. Муж и жена.

Кошмар!

Знаешь, а Андрей сильно изменился. Такое впечатление, что мягче стал... И печальный... Да, чуть не забыла! Агнейка-то наша замуж засобиралась! И парень вроде неплохой. По крайней мере, она вся аж светилась, когда мы с ней в автобусе шушукались. И рожать хочет. Поздновато, конечно, но ведь всё равно надо. Ничего, вынынчим! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

Снабжение у нас стало похуже. Перевели на талоны, но и по талонам не очень-то разбежишься. Самый модный бутерброд – это если на хлебный талон положить колбасный. Это я опять шучу: хлеб, слава богу, пока без талонов продают. А вот сахара вообще не видно. Хорошо ещё, весной Паше удалось полмешка добыть по большому благу (начальник, блин!), так хоть жимолость и смородину перекрутили.

Ой, всё! Павел Николаевич копытом бьют – за грибами пора.

Допишу завтра...»

– Танюшка, беги сюда! Скорей!

Татьяна, недовольная мужем, оторвавшим её от кухни, естественно, не прибежала, а демонстративно вплыла в комнату, где Витька смотрел программу «Время».

– Слушаю, мой господин?

Витька, не обращая внимания на язвительно пропетую цитату из мюзикла про Али-Бабу и сорок разбойников, подхватил жену под попку и закружил по комнате:

– Даёшь Катунь!

Татьяна не поняла. Тогда он начал восторженно рассказывать про только что увиденный репортаж:

– Понимаешь, Рыжков прямо на Катунский створ прилетел! И сказал, что нечего дурить, а надо строить! Так прямо и сказал!

– Чтоб не дурить?

– Ну, не совсем так. Это я чтоб понятнее было. Но смысл такой же.

– Вить, неужели получится? – Татьяна, сменив гнев на милость, не торопилась освобождаться из мужниных объятий.

– А куда они теперь нафиг денутся? Это всё Дед Кузя!

– Ну, какой же молодец!

Зондеры уже третий год усиленно пытались прижиться на Украине. Занесла их сюда нелёгкая по простой и печальной причине – строительство ГЭС на Енисее закончилось. То есть работы для кучки самых настырных там ещё оставалось на десяток, а то и больше лет, но это, как говорил Шурка-Келдыш, были уже судороги. Стало ясно, что до пенсии там не дотянешь, а значит, надо держать нос по ветру.

Нос подвёл Зондера. Только безносый инвалид умудрился бы не унюхать, в какую помойку под названием «трест-площадка» он вляпался сдуру. А когда почувствовал промашку уже не носом, а всей шкурой, то поезд ушёл. Поздно, доктор...

Трест-площадка, по замыслу, строила очень интересный гидроузел на тёплой симпатичной реке. Высокопоставленный вербовщик, купивший Витькину да и Танину душу рассказами о параметрах будущей ГЭС, намекнул, что главный инженер там явно не на месте, и его замена – дело решённое. Вот только не на кого...

«Я вам покажу – не на кого!» – воспарил мечтами Вить-

ка. В работе своей он не только понимал толк, кое-что подсмотрев через плечо у Деда Кузи, но даже умудрялся ловить кайф. Дед, к слову сказать, Витьку на подвиги благословил, печально глянув при этом на большую фотографию Катунского створа, висевшую напротив его рабочего стола рядом с фотографией Южной стены Эвереста. Этот печальный взгляд был понятен безо всяких слов: финансирование новой ГЭС на Катунь никак не шло, и держать в кулаке мощную команду день ото дня становилось всё труднее...

А здешний Главный, которого вознамерился потеснить наш герой, тоже оказался не лыком шит. Во-первых, как запоздало понял Витька, в своём деле он всё-таки разбирался и даже неплохо. А во-вторых, ещё и умел топить щенков типа Зондера, которых, смешно сказать, набралось человек пять или шесть – и всё с одной и той же надеждой сесть в его кресло. Правильнее было бы сказать – лечь на эшафот.

Витьку утопить оказалось проще простого – слишком узкую специализацию дала ему предшествующая карьера. Сунули великого гидротехника на провальный объект – школу, которую пускать надо было позавчера. И амба, можно выносить тело...

Тело ещё посопротивлялось, благо кроме «трест-майdanчика» было где зацепиться. А душа отморожилась и на дух больше не принимала южноукраинскую экзотику.

Лучик света в тёмном царстве просиял пару месяцев назад, когда донеслись слухи про какое-то письмо, посланное

Дедом Кузей то ли в Совмин, то ли вообще в ЦК. Связи, надо сказать, у Деда были невероятные. Неужели столько народу ходило с ним в горы? Хотя, почему бы и нет? Во всяком случае, результат налицо – нынешняя поездка председателя правительства.

И вот теперь, похоже, весь этот кошмар останется позади!

– Лапушкин, а ты по такому случаю принять не хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.